

ПЕТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ И ЧЕШСКИЕ БРАТЬЯ^{*)}

В XV ВЕКЕ ЗАРОДИЛОСЬ РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в Богемии, связанное с именем Яна Гуса (ок.1371–1415), бесстрашного проповедника, героического свидетеля верности Господу. Это движение дало начало новому проявлению пацифистских идей. Хотя сам Ян Гус не был пацифистом, его взгляды формировались под влиянием учения Джона Уиклифа и его последователей – лоллардов. Еще с тринадцатого века вдоль южных границ Богемского королевства существовали поселения вальденсов германского происхождения, поэтому вполне вероятно, что они способствовали появлению идей ненасилия и в Богемии. Таким образом мы видим непрерывающуюся историческую связь между различными носителями идей пацифизма.

Личная жизнь Гуса была безупречной и основанной на Писании, которое он знал в совершенстве. Десятки тысяч последователей Яна Гуса после его казни в 1415 году продолжили реформы, начатые их учителем. В среде гуситов начали распространяться идеи пацифизма в период с 1418-1419 гг. и по отношению к ним гуситы разделились на умеренных и радикальных. В 1420 году официальная церковь побудила армию крестоносцев вторгнуться в Богемию с целью подавить движение гуситов. Поэтому радикальные пацифисты оставили свои взгляды и объединились с умеренными гуситами в борьбе с крестоносцами.

[*] Мы публикуем в авторской редакции одну главу из новой неопубликованной книги Г. А. Гололоба «Побеждай зло добром: История христианского пацифизма». (См. <https://christianpacifism.org/2014/08/03/history-of-christian-pacifism/>)

Единственным, кто не пожелал взять в свои руки оружие даже перед лицом истребления, был Петр Хельчицкий (ок. 1390—ок. 1460). Именно благодаря этому человеку сохранился лагерь мирных пацифистов, к которому после разгрома таборитов пристали и все уцелевшие умеренные гуситы. Именно Петр Хельчицкий придерживался учения о непротивлении злу Нового Завета самым последовательным образом. Много работ он посвятил вопросу пацифизма, призывая вернуться к первоначальному христианству, к учению Иисуса Христа — прощать и любить врагов. Он призывал возвратиться к закону любви, который заменил закон Ветхого Завета — мстить врагам. Для Хельчицкого любовь и ненасилие были единственным ответом на зло.

Наибольшей мере его защита учения о непротивлении изложена Хельчицким в его книге под названием «Сеть веры», в которой он признал необходимым всем общественным учреждениям христианского мира строиться в соответствии с «законом любви», а не сообразоваться с идеалом принуждения «сильных мира сего». Он предлагает в качестве образца для современных ему христиан первоапостольское устройство христианского общества, которое, однако, считается в римской церкви гнусным еретичеством. Первоначальная церковь, по мнению Хельчицкого, была основана на равенстве, свободе и братстве и до сих пор хранит в себе эти основания. Нужно только, чтобы и все общество возвратилось к ее чистому учению, и тогда оказался бы излишним всякий иной порядок, основанный на принудительной власти королей и папы, потому что во всем достаточно одного закона любви.



Пётр Хельчицкий (ок.1390–ок.1460).

Исторически Хельчицкий относит упадок христианства ко времени Константина Великого, которого папа Сильвестр ввел в христианство со всеми языческими нравами и жизнью. Константин, в свою очередь, наделил папу светским богатством и властью. С тех пор обе тесно переплетенные власти постоянно помогали друг другу и стремились только к внешней славе, защищая лишь земные интересы. Доктора и магистры и духовное сословие стали заботиться только о том, чтобы покорить весь свет своему владычеству, вооружали людей друг против друга на убийства и грабежи и совсем уничтожили подлинное христианство в вере и в жизни. Хельчицкий совершенно отвергает право на войны и смертную казнь: «всякий воин, даже и “рыцарь”, есть только насильник, злодей и убийца».

Примечательно, что о пацифистских взглядах чешского реформатора Петра Хельчицкого упоминает Лев Толстой в своей книге «Царство Божие внутри вас» (1893). Вот что он писал о Хельчицком, рукопись книги которого он смог раздобыть и прочел с большим интересом:

«Заглавие “Сеть веры” дано Хельчицким его сочинению потому, что, взяв эпитафю стих Евангелия о призвании учеников с тем, чтобы они стали ловцами людей, Хельчицкий продолжая это сравнение, говорит: “Христос посредством учеников захватил в свою сеть веры весь мир, но большие рыбы, пробив сеть, выскочили из нее и в поделанные этими большими рыбами дыры ушли и все остальные, так что сеть осталась почти пустая”. Большие рыбы, пробившие сеть, это власти, императоры, папы, короли, которые, не отказываясь от власти, приняли не христианство, а только личину его. Хельчицкий учит тому же, чему учили и учат теперь непротивляющиеся менониты, квакеры, в прежние времена — богомылы, павликиане и многие другие. Он учит тому, что христианство, требующее от своих последователей кротости, смирения, незлобия, прощения обид, подставления другой щеки, тогда бьют по одной, любви к врагам, — несовместимо с насильем, составляющим необходимое условие власти. Христианин, по толкованию Хельчицкого, не только не может быть начальником или солдатом, но не может принимать никакого участия в управлении, не может быть торговцем или даже

землевладельцем, а может быть только или ремесленником, или земледельцем».

По мнению Хельчицкого, Католическая церковь со времени Константина, став под защиту императорского меча, тем самым отвергла упование на Бога: «Христиане обязаны последовать Христу в терпении и смирении. Если же они отвергли терпение и смирение и прибегли к обороне императора, то уже перестали быть христианами»^[1]. Перестав подчиняться Богу, церковь стала марионеткой в руках лишь прикрывающегося благочестивыми намерениями государства: «Гораздо важнее то, что светская власть не вменяет себе в грех убивать людей и учинять им всякие насилия и заставляет христиан ходить войною друг на друга и, таким образом, преступать заповедь Христову. Но хуже всего то, что эта власть проливает кровь праведных христиан за веру, считая их еретиками, между тем как она сама не ведает, что такое вера и что ересь»^[2].

Бескомпромиссно Хельчицкий обличает преступный союз, состоявшийся между церковью и государством при императоре Константине: «Достоинство и сила церкви основывается не на земном величии, а заключается в терпении, с которым на переносит несправедливые гонения от света (мира) во имя Христово, и верующие гораздо больше преуспевали в духовном совершенствовании во время гонений, когда церковь не имела светской власти, чем потом, когда она приобрела ее от императора. Наперекор заповеди Христовой: «терпением спасайте души ваши», нынешняя церковь защищается от врагов своих мечом светской власти, ведет войны, платит злом за зло и впадает таким образом в смертный грех».^[3]

^[1] Хельчицкий П. Сеть веры. — Нью-Йорк: Всемирное братство, 1921, с. 51.

^[2] Там же, с. 24.

^[3] Там же, с. 26.

Виновниками принятия церковью идей милитаризма Хельчицкий называет Киприана, Иеронима, Августина и Григория Великого. Например, Августин толковал текст Писания Мф. 13:38 таким образом, что «полем» у него оказалась Церковь, а не мир. По этой причине появлялась необходимость очищения от плевел Церковь, а не мир, и возлагалось это дело не на Ангелов, действующих лишь «при кончине века», а на «избранников» Божьих, совершающих это очищение в настоящее время. Таким образом подлинный смысл учения Христа был искажен, а идея религиозного насилия получила богословскую санкцию, что в последующее время привело к возникновению инквизиции с ее изуверскими методами пыток и казней. Цитируя Альберта Великого, жившего в тринадцатом веке, Хельчицкий возмущается его «добротой» по отношению к заблудшим чадам церкви:

«Умерщвляя их, мы приносим пользу их душе. Оставаясь же в живых, они к своим тяжким грехам, прибавили бы еще и новые и, таким образом, увеличили бы для себя загробные мучения. Сокращая их жизнь, мы вместе с тем сокращаем для них и муки ада».^[4]

Принципы светской власти, основанной на неравенстве между людьми и господстве одних людей над другими, несовместимы с основаниями власти духовной, прославляющей идеал братства и равенства во Христе: «Хотя христиане во многом превосходят других людей, но между ними самими установлено было равенство, и никто не должен был возвышать себя над другими. Поэтому истинный христиа-

нин никогда не посмел бы сделаться царем над христианами. Кроме того, для христиан обязательна апостольская заповедь — друг друга тяготы носить. Как же добрый христианин может решиться сам быть бременем для других, сделавшись царем?».^[5] Поскольку все равны перед Богом, заявляет Хельчицкий, никто не в праве господствовать над другим, покупать его и подвергать его своевольному наказанию.

Особое внимание чешский реформатор обращает на смешение мирских и церковных представлений о святости, приведшее к выхолащиванию христианских моральных ценностей. Так, он справедливо возмущается тем, что христианские этические нормы постепенно сводятся к более низким стандартам поведения этого мира. Поскольку номинальные верующие не в состоянии исполнять Божественные заповеди, на них возлагается ответственность лишь «не нарушать общественного благополучия»: «Поэтому мужеложство, разбой, убийство, нарушающие общественное благосостояние, должны возбраняться и наказываться законами, но простое прелюбодеяние, хотя и составляет смертный грех и порицается законами, не наказывается, ибо не нарушает общественного благополучия».^[6]

В своей работе «Сеть веры» Петр Хельчицкий дает развернутую критику идеи христианского милитаризма, приводя и анализируя все ее доводы, основанные на неверном толковании некоторых текстов Писания. Комментирую текст Лк. 3:14, он отмечает радикальное отличие Нового Завет от Старого: «Иоанн был только предтеча Христов и подчинялся закону Моисея».^[7] Поэтому для него мнение Христа по этому поводу было выше свиде-

^[4] Там же, с. 57.

^[5] Там же, с. 34

^[6] Там же, с. 59

тельства Иоанна: «Прежде чем основывать необходимость военного сословия на Евангелии, нужно знать, учит ли оно вести войну, силою защищать себя от разных обид, платить злом за зло. Если учит, тогда из слов Иоанна можно заключать о необходимости воинов. Но Христос, напротив, говорил: «Если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему другую; запрещал платить злом за зло и учил любить врагов своих»^[8].

Касаясь толкования текста Рим. 13:1, великий чешский пацифист пишет:

«Павел писал это христианам в Риме, подчиненном властям языческим. Апостол не говорил, чтобы христиане выбирали себе из своей среды владыку и царя, который бы господствовал над ними по обычаю царей языческих. Власть на подобие языческой может быть полезна христианам лишь тем, что будет искушать их терпение и вызывать на подвиги мученичества. Так, император Сигизмунд выдал верного Гуса и Иеронима на смерть, и через его руки они достигли небесной славы. Что римские власти, которым апостол Павел повелел повиноваться, были языческие, избивавшие христиан за веру, показывающие события того времени, в течение которого эти власти существовали».^[9]

Хельчицкий верно заметил, что Павел призывал римских христиан повиноваться именно злой власти, чего некоторые из них не хотели делать и даже пытались отомстить этой власти, согласно сказанному в Рим. 12:17-21: «Иные христиане уклонялись от повиновения на том основании, что они

освобождены Христом от власти дьявола и от бремени старого закона. К такой свободе и теперь стремятся многие, но апостол Петр называет эту свободу прикровением злобы (1 Петр. 2:16). Поэтому апостол Павел, предвидя злые последствия такого стремления, которое могло бы повести за собою гибель христиан, побуждает их повиноваться властям и утверждает их в этом словами: нет власти не от Бога».^[10]

Впрочем, Бог может допускать существование злой власти в качестве наказания на грехи людей, однако и этой власти нужно повиноваться: «Не всякий стремящийся к власти или ею пользующийся руководствуется к этому Богом, а действует только по Божьему допущению, ибо одни власти посылаются Богом к устройению земли, а другие на гибель ей: чрез них Бог изливает на землю Свой гнев, подобно крупному граду, губящему семена».^[11] «Поэтому «неповиновение власти есть грех, если нарушение ее приказаний есть нарушение заповедей Божьих»^[12]. «Светская власть нужна, как слабое средство предохранить мир от погибели, но по отношению к вере она только вредна».^[13] «Заповедь Божья запрещает делать другим то, чего мы сами себе не желаем, а на войне мы делаем зло другим».^[14]

«Вообще в словах апостола Павла нужно внимательно отличать, во-первых, то, чему учил он христиан, основываясь на вере, без чего они не смогли бы быть христианами, и во-вторых, то, что касалось временных отношений христиан к людям, не принадлежащим к вере христи-

^[7] Там же, с. 38

^[8] Там же, с. 39

^[9] Там же, с. 40

^[10] Там же, с. 41.

^[11] Там же, с. 42

^[12] Там же, с. 46

^[13] Там же, с. 47

^[14] Там же, с. 48

анской. Впоследствии эти последние наставления, по ложному толкованию, применили к взаимным отношениям между христианами. Сам апостол не придавал своим словам такого значения: он сам говорил о себе, что повинуюсь Христу, он не смел ни словом, ни делом поступать в чем-либо противно заповедям Христовым, а Христос сказал: «Цари народов господствуют над ними... но между вами да не будет так» (Матф. 20:25-26). Если бы слова апостола понимать так, как их теперь толкуют, то апостолы должны были бы в каждом обществе христиан, во-первых, поставить над ними одного из них владыкою, снабдив его мечом для внушения страха; во-вторых, обязать платить дань этому владыке. В-третьих, установить пошлины на перевозах, больших дорогах и в городских воротах. Но все это чуждо вере Христовой: хотя оно и учит в покорности переносить все это от язычников, но не учит творить этого между братьями, соединенных общим искуплением».^[15]

С печалью Хельчицкий вынужден констатировать следующее:

«Итак, во всех доводах ученых, и прежних и нынешних, я вижу только явное отступление от веры. Христос учил и поступал иначе: ел и пил с грешниками и не осуждал их на смерть, а призывал к покаянию. Пред нами явилось, таким образом, два пути, далеких друг от друга и противоположных один другому: путь Иисусов и путь ученых. Иисус теперь очень беден: не ходят больше за Ним толпы народа, разве ка-

кой-нибудь отверженный и неразумный жалко тащится за Ним, как муха из помойки. Зато ученые очень богаты и славны в мире, много породили слуг Божьих с мечом, и весь мир взирает на них. Взглянет мудрый мира сего на Иисуса, увидит, что Он покинут всеми, облечен бедностью, терпит невзгоды, и бросит Его и пойдет к ученым, что по законам своим целыми толпами служат Богу в церквах, на войне, бирючами, при дыбах, в ратушах, под позорными столбами и у виселиц. За такую широкую службу Богу и ухватится мудрый мира сего, а за Иисусом пойдет только безумец, и свет освищет его».^[16]

Смело этот апологет христианского пацифизма обличает церковное духовенство по данному вопросу: «Имеющие в руках власть не много справляются со Священным Писанием: учит оно или не учит их властвовать. Достаточное для них поучение в этом дает им чрево: оно свидетельствует, что властвовать хорошо, а до страданий бедного рабочего люда и до того, что они владычествуют над христианами вопреки смыслу веры, им нет никакого дела».^[17]

«Иудеи тяжко согрешили, пожелав иметь царя, ибо отвергли этим Бога, Который прежде царствовал над ними, и возложили надежду на человека. Христиане же возвели царскую власть в закон, и цари творят всякие несправедливости, не вменяя себе это в грех, а видя в этом Божественное право. Но если бы Бог дал им право притеснять людей, то не поставил бы им этого в вину и не грозил им за это гневом Своим (Мих. 3:1-4)».^[18]

Хельчицкий настаивает на различении властей — христианской нена-

^[15] Там же, с. 64-65

^[16] Там же, с. 61

^[17] Там же, с. 65

^[18] Там же, с. 66

сильственной и безбожной принудительной — таким образом, что христианин никогда не может быть царем, а царь — христианином:

«Взаимные отношения между христианами апостол определяет так: “Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви” (Рим. 13:8). В этих словах сказывается разница между делами веры и делами языческого господства: одни не могут стать другими. Поэтому и соединение язычества с христианством не могло состояться в самом начале. Вначале одни находили утешение пить Кровь Христову, другие проливать кровь человеческую. Теперь же и те и другие соединились в общем служении Богу: пьют Кровь Христову и точат кровь своих ближних»^[19].

Рассуждая над текстом 1 Тим. 2:1-3, Петр Хельчицкий пишет: «Итак, апостол напоминал христианам молиться за властей, чтобы пользоваться их расположением, дабы дьявол не побуждал их к войнам и другим кровопролитиям. С такими молитвами за властей и мы должны обращаться к Богу. А теперь же христиане, присвоив себе светскую власть на основании ложного толкования Священного Писания, вступая в бой, возносят Богу молитвы за своих владык, чтобы Он даровал им победу, т.е. помог разбить противников... И это не мешает им говорить: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Молитвы этих сбродов за властей о даровании им победы над врагами есть великое поругание Богу и противны тому, чему учил апостол

Павел».^[20] В заключении же первой части своей книги он делает основной вывод: «Я признаю, что светская власть управляет миром и устроит его в делах временных и земных, и потому нужна миру... Истинные же последователи Христа, любящие Бога и ближних, как самих себя, не нуждаются в принудительных мерах для того, чтобы совершать добрые дела».^[21]

Итак, по всему видно, что Хельчицкий проводил различие между церковью и государством по признаку принудительности, неприменимому к подлинному христианству. Действительно, первое государство царя Нимрода возникло по воле человеческой, а не Божьей. Впрочем, Хельчицкий считает этим государством первый город, построенный Каином: «Каин после убийства брата своего построил город, чтобы сберегать награбленные сокровища, и первый нарушил простоту жизни людей установлением границ между землями и изобретением веса и меры. Итак, убийство привело его к основанию городов, а города для поддержания своего существования должны были добывать себе средства насилем и быть всегда наготове отражать нападения других».^[22]

По мнению Хельчицкого, в городах «лихва сильно распространена: ссужаются деньги на определенный срок под имяния или луга с тем, что, если они не будут выплачены в этот срок, владелец теряет свою дорогую вещь из-за небольшой ссуды. Таким образом одни богатеют за счет других, и богатые пожирают бедных... Люди умудряются устраивать так, чтобы для себя мера была больше, а для других — меньше. И хотя вес и меры находятся под ведением рихтеров и правильны, но продавцы назначают слишком дорогую цену на товары или плутуют,

^[19] Там же, с. 66

^[20] Там же, с. 67-68

^[21] Там же, с. 69

^[22] Там же, с. 75



Петр Хельчицкий убеждает народ не отвечать злом на зло. (Картина Альфонса Мухи).

сохраняя корни в сыром месте, чтобы были тяжелее, или примешивая к ним камешки, а в хлеб подкладывают мякину».^[23]

И было бы не так страшно, если бы всем этим беззаконием занимались лишь неверующие люди, однако в тех же грехах повинны и те, кто считает себя христианами. Например, «в их (монастырей) распоряжении такое количество земли, что королям и князьям не хватает денег для поддержания своей власти. Иногда короли налагают на монастыри налоги: тогда монахи сдерут со своих людей то, что нужно королю, а свое все-таки сполна возьмут. Если бы король стал управлять ими, то они легко бы от него отделились, ублажив его деньгами. Так что народу гораздо тяжелее жить на монастырских владениях, чем под властью короля».^[24] Итак, заключает

Хельчицкий, у основания большинства распри и войн лежит человеческая алчность к наживе, которую человек готов защищать любой ценой.

Беда состоит в том, что этой же болезнью оказывается заражены и христиане, причем даже в своих лучших представителях: «Так и пастыри о тех пор кажутся пастырями, пока стригут овец, доят молоко, жирно жируют, а как ничего не стричь, ни доить, то пастырь скажет: «Не могу быть ничем полезен при этой церкви». Тогда ему нет дела ни до живых, ни до мертвых».^[25] Своей жизнью они показывают, к какому богатству — земному или небесному — они стремятся всеми своими силами. Разумеется, такого рода христианство неспособно бросить вызов миру, поскольку его представители угождают не Богу, а грешным людям: «спокойно расппевают Евангелие полатыни, и мир не побуждается из-за него к гневу, так как оно предлагается ему в сладких песенках с

^[23] Там же, с. 66-77, 77

^[24] Там же, 80

^[25] Там же, с. 86

высокими тонами и благочестивыми напевами».^[26] Подлинный же христианин должен «пребывать в вере в Сына Божьего и исполнять Его заповеди, любя ближних и даже врагов, как самого себя».^[27]

Появление работы Хельчицкого «Сеть веры» относится к периоду 1436–1440 годов, но его идеи продолжали существовать в Богемии и после его смерти. Они воплотились в “Союзе Чешского Братства”, основателем которого был брат Гжехорж (Григорий), умерший в 1474 году. Он также выступал против участия христиан в войнах. Н.Д. Тальберг в своей «Истории Церкви» отмечает в связи с этим следующее: «Около 1450 года оставшиеся табориты образовали небольшую общину под именем богемских или моравских братьев, которая, отказавшись от оружия, стремилась жить в уединении на основании чистого евангельского учения. В 16 веке эта община особенно распространилась и стала на один уровень с религиозными общинами, возникшими после Реформации». Таким образом, реформация анабаптистов имеет исторические связи с движением богемских братьев. Выдающимся представителем богемских братьев был известный чешский педагог и христианский гуманист Ян Амос Коменский (1592–1670).

Примечательно, что чешские братья имели некоторые контакты с евангельскими христианами России. Так, в журнале «Христианин» за 1924 год была помещена статья Ивана Проханова под названием «Ян Гус и Петр Хельчицкий как учителя духовной жизни», повествующая о недавнем

посещении этим известным лидером евангельского братства России Чехословакии. В ней, в частности, утверждалось, что «евангельское движение в Чехии, начавшееся при Гусе и Хельчицком, соединилось с русским евангельским движением через века и целые страны, один их источник — Евангелие, и один их Учитель — Христос»^[28]

Один из современных исследователей жизни и служения Ивана Проханова Владимир Попов так передает мотивы написания этой статьи: «Проханов всегда интересовался западноевропейскими реформационными движениями. Как христианин и духовный деятель он видел в них обновление Церкви евангельским духом первохристианства. Кроме знакомства с письменными источниками по истории протестантских течений в Чехии, Иван Степанович намеревался встретиться с живыми продолжателями дела средневековых реформаторов и исполнить наказ возглавляемого им братства русских христиан.^[29] Наказом этим было желание евангельского братства рукоположить Проханова на его служение у традиционных папифистов — моравских братьев. Разумеется, и сам лидер евангельских христиан России имел горячее желание вступить в братские отношения именно в этой протестантской деноминацией, ведущей свое родословие от первых христиан.

Далее Попов кратко знакомит читателя с историей чешского движения: «Основатель чешских братьев Петр Хельчицкий был лично знаком с Яном Гусом. С момента возникновения общины чешские братья активно

^[26] Там же, с. 91

^[27] Там же, с. 107

^[28] Проханов И.С. Ян Гус и Петр Хельчицкий как учителя духовной жизни // Христи-

анин, Л., № 5, 1924, с. 24

^[29] Попов В.А. И.С. Проханов: страницы жизни. СПб.: Библия для всех, 1996, с. 114.

^[30] Там же, с. 115

занимались издательской деятельностью и педагогической работой. Из пяти типографий, существовавших в XIV веке в Чехии, три принадлежали обществу Петра Хельчицкого. Они издали Библию на чешском языке и на богослужбных собраниях тоже использовали родной язык. Многие ученые и деятели культуры обязаны своим воспитанием мудрым наставлениям из числа последователей Петра Хельчицкого. Они выпестовали и великого ученого-гуманиста Я.А. Коменского, создателя новой педагогики». ^[30] Далее в книге Попова приводится информация о наличии плодотворных отношений между евангельскими христианами Чехии и СССР в послевоенные годы.

В восемнадцатом веке католическая церковь официально запретила деятельность богемских братьев, объявив их еретиками, хотя сами себя они называли «нищими духом». Их глубоко волновал нехристианский образ жизни большей части священников. Они отвергали право священников отпускать грехи и брать деньги за совершение духовных треб, а необходимость поклоняться иконам, молиться святым и совершать многие обряды, не подтвержденные Священным Писанием. Для них был свойствен радикализм в такой мере, что они даже отказывались от освящения церковных зданий, отдавая в богослужение лишь свои сердца Богу. Хотя само движение богемских (чешских) братьев в своем организованном виде прекратило существование во время поражение чешских протестантов в битве у Белой горы в 1620 году, его идеи, в частности отрицание войны и смертной казни, оказали большое влияние на пацифистские взгляды представителей швейцарского и немецкого анабаптизма.

Каковы же наши выводы о состоянии пацифизма в Средние века? Несмотря на распространение идей христианского милитаризма в Церкви, начиная с Августина, данное положение не касалось трех категорий верующих людей: монахов, священников и богословов мистической ориентации. Эта часть Церкви продолжала оставаться пацифистской, хотя, разумеется, кроме мирных монашеских орденов были и милитаристские. К мирной категории относились крупные по своей численности бенедиктинские, францисканские, доминиканские и другие монашеские ордена, называемые, как правило, по имени того или иного католического святого.

Помимо мирных католических орденов в Средние века существовали малые группы христиан, жизнь которых, несмотря на различные отклонения от христианского учения по другим вопросам, была отмечена приверженностью к пацифистским идеям. Среди этих групп были: мирная партия донатистов, новатиане, павликане, богомилы, катары, альбигойцы, вальденсы, мирное крыло гуситов.

Большинство из них радикально противопоставляло Новый Завет Ветхому, больше подчеркивая их различия, чем сходства. За отступления от учения Нового Завета они называли Римскую Церковь «вертепом разбойников» и «Вавилонской блудницей». Поскольку официально пацифизм признавался лишь за священниками и монахами, мирянам приходилось скрывать свою приверженность ему под прикрытием неофициальных христианских учений.

Например, популярной идеей в те дни было учение о наличии в истории христианства трех периодов: эры Бога-Отца, эры Иисуса Христа и эры

Духа Святого. Поскольку, по учению Иоахима Флорского (ок. 1145–1202) третья эра уже настала (после тысячи лет, предсказанных в книге Откровение), простой народ использовал эту идею для того, чтобы выступить против роскоши и бесчинств духовенства официальной церкви, ссылавшейся на авторитет своих богословов и ученых, которые только одни имели право толковать Библию. Эра же Духа Святого предоставляла простым людям возможность руководствоваться личным познанием от Духа Святого, поэтому этот мистический путь иногда не приводил, а уводил их от истины. Тем не менее, из-за причастности к универсальному действию Духа Святого, они считали всех людей равными друг другу, отрицая деление Церкви на клир и мир, а также надобность церковных таинств и обрядов.

Став в оппозицию официальной церковной доктрине, религиозные учения порицали таинства Церкви, так что публично проповедовали, что вода святого крещения ничем не отличается от речной воды, а освященный хлеб причастия ничем не отличается от обычного хлеба. Они высмеивали саму идею пребывания Тела Христа в виде хлеба, которое должно было быть давно уже изъедено причащающимися. Они отрицали конфирмацию и исповедь. Тем не менее, они вели целомудренную и аскетическую жизнь, не возлагали на себя никакой присяги. Они называли установление в церквах статуй идолопоклонством, настаивали на том, что церковные колокола — это горны демонов. В этом смысле они были предвестниками Реформации, хотя их критика духовенства являлась смесью библейских и небиблейских воззрений.

То, что сторонники этих нетрадиционных христианских идей учили и практиковали непротивление, ясно из писаний многочисленных историков в таких книгах, как «Зеркало Мучеников» (Тилеман Ван Брахт), «Странствующая Церковь» (Е.Х. Бродбент), «История Божьей Церкви» (Иоанн Голдеман) и др. Будучи мистически настроены, они были более восприимчивы к духовному пониманию роли Церкви в этом мире, чем официальная католическая церковь в лице ее иерархов, вошедшая с государством в преступный союз. У катаров и альбигойцев насилие и гнев считались смертными грехами. Вальденсы также отказывались приносить присягу государству в любом виде и убивать людей под любым предлогом. К числу подобных групп, которые провозгласили религиозный пацифизм одним из элементов своих вероучительных истин, были лолларды, швейцарские братья, чешские братья, гутерское братство, позднее анабаптисты, меннониты, квакеры и др.

Итак, мы видим, что пацифизм в Средние века официально исповедовали монахи и священники, но не простой народ. Простой народ для того, чтобы исповедовать эти принципы, был вынужден принять на себя ярлык еретика и по этой причине подвергался жестоким преследованиям. Вальденсы считались еретиками, а гуситы — католиками, но преследовали их одинаковым образом. Официальная церковь устраивала жестокие преследования и на одних, и на других, добившись запрета деятельности вальденсов и последователей Хельчицкого. Как мы увидим в следующей главе, с приходом Реформации судьба пацифизма в этом отношении существенно не изменилась.